

**Языковая лояльность, языковые идеологии,
установки и практики в общинах горских
евреев Московского региона**

Татьяна Борисовна Агранат

*Институт языкознания РАН,
Московский государственный
лингвистический университет
Москва, Россия
tagranat@yandex.ru*

Автором проводилось полевое социолингвистическое обследование в диаспоре горских евреев Московского региона с применением метода глубинных полуструктурированных интервью. Целью обследования было определить функционирование и степень жизнеспособности языка джуури в диаспоре, чтобы понять, какие меры необходимо предпринять для сохранения языка. Вопросы, задаваемые респондентам, касались языковых биографий самого респондента и его предков, использования языка (языков) на данный момент в различных сферах и функциях, а также лояльности респондентов к этническому языку. Наибольшее внимание в настоящей статье уделено этой последней теме. Все 100 % опрошенных, включая оба поколения диаспоры, независимо от возраста и уровня владения языком джуури, высоко ценят свой язык и желают, чтобы он передавался следующим поколениям. Однако высокий уровень языковой лояльности в сообществе является необходимым, но недостаточным условием для ревитализации языка. Для достижения успеха нужны языковые идеологии и установки, направленные на сохранение языка. Обследование выявило преобладающие в сообществе «стратегии избегания»: неспособность увидеть связь между использованием языка и его передачей, перекладывание ответственности за сохранение своего языка и своей культуры на других людей без каких-либо личных усилий и личного участия и др. Социолингвистическое обследование вскрыло проблему и наметило пути ее решения. Теперь необходимо начинать кропотливую работу

по изменению менталитета для достижения *Позитивных установок в отношении многоязычия*, без которых невозможна ревитализация языка.

Ключевые слова: язык джуури, горские евреи, языки диаспоры, ревитализация языка, языковая лояльность, языковые идеологии, языковые установки

Для цитирования: Агранат Т. Б. Языковая лояльность, языковые идеологии, установки и практики в общинах горских евреев московского региона. *Родной язык*, 2024, 2: 38–58.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-2-38-58

Language loyalty, ideologies, attitudes and practices among Mountain Jewish communities in the Moscow region

Tatiana Borisovna Agranat

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
tagranat@yandex.ru*

The author conducted a sociolinguistic survey among the Mountain Jewish diaspora in the Moscow region using in-depth semi-structured interviews. The purpose of the survey was to determine the functioning and viability of the Juhuri language in the diaspora for the purpose of better understanding what measures need to be taken to preserve the language. Survey questions concerned the language biographies of respondents and their ancestors, the current use of various languages across domains and functions, and especially the respondents' loyalty to their heritage language. 100 % of respondents from both diaspora generations, regardless of their age and level of proficiency in the Juhuri language, highly value their language and want it to be passed on to future generations. However, a high level of linguistic loyalty in the community is not by itself a sufficient condition for language revitalization; language ideologies and attitudes aimed at preserving the language are also needed to achieve success.

The sociolinguistic survey revealed the prevailing “avoidance strategies” in the Juhuri community: the failure to see a connection between language use and transmission, the shifting of responsibility for preserving one’s language and culture to others without any personal effort and personal involvement, etc. The survey exposed this problem and outlined ways to solve it. Now it is necessary to begin the painstaking work of changing the community’s mentality so as to achieve *Positive Attitudes towards Multilingualism*, without which language revitalization is impossible.

Keywords: Juhuri, Mountain Jews, diaspora languages, language revitalization, language loyalty, language ideologies, language attitudes

For citation: Agranat T. B. Language loyalty, ideologies, attitudes and practices among Mountain Jewish communities in the Moscow region. *Rodnoy yazyk*, 2024, 2: 38–58.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-2-38-58

1. Введение

О языке джуури и его носителях — горских евреях, см., например, [Назарова 2020]. В 2022–2023 годах по заказу Фонда СТМЭГИ¹ автор проводил социолингвистическое обследование в диаспоре горских евреев Московского региона. Горские евреи компактно проживают в нескольких общинах в Москве и ближайшем Подмосковье, куда они переселились главным образом из Азербайджана, а также из Дагестана и, в меньшем количестве, из Чечни и Кабардино-Балкарии. Соответственно, респонденты на родине использовали разный набор языков как в официальных, так и в неофициальных сферах. Кроме того, часть респондентов сначала репатрировалась в Израиль, откуда переселилась в Московский регион, некоторые из них в Израиле учились в школе, что еще больше расширило круг используемых языков.

Обследование проводилось методом глубинных полуструктурированных интервью на репрезентативной выборке. Целью социолингвистического обследования было

¹ О фонде СТМЭГИ см. [Додыхудоева 2021].

определить функционирование и степень жизнеспособности языка джуури в диаспоре, чтобы определить, какие меры необходимо предпринять для сохранения языка. Потеря родного языка среди горских евреев в диаспоре Московского региона не является исключением. «Распространенный сценарий в диаспорных группах — потеря языка в течение одного или двух поколений из-за отсутствия возможности использовать язык предков вне дома» [Farfán & Olko 2021: 92].

Были опрошены представители как первого, так и второго поколения диаспоры. Респонденты принимали участие в обследовании независимо от уровня их владения языком джуури. Уровень владения языком не проверялся, его указали сами респонденты. Среди участников обследования были и те, кто не говорил на языке джуури. Большинство респондентов принадлежали к первому поколению, 32 человека, среди них были представители всех возрастных когорт.

Выборка репрезентативна, поскольку она пропорциональна генеральной совокупности, большинство представителей первого поколения диаспоры — люди среднего возраста. Среди представителей первого поколения диаспоры есть и дети, в том числе хорошо владеющие этническим языком. Однако беседы с детьми не проводились.

Таблица 1. Первое поколение диаспоры

Возрастные когорты	20–40	40–60	>60
Количество человек	10	15	7

Представителей второго поколения диаспоры, то есть родившихся в Московском регионе, в выборке было всего четыре человека; самому младшему из них 13 лет, самому старшему — 21 год. Среди второго поколения имеются представители только младшей когорты, поскольку диаспора сформировалась относительно недавно.

Респондентам задавались следующие вопросы:

1. Где вы родились?
2. Где родились ваши родители?
3. Когда вы приехали в Москву?
4. На каких языках говорили ваши родители / бабушки / дедушки?
5. На каком языке (языках) вы говорили в детстве дома / с родителями / с бабушками и дедушками / с братьями и сестрами / с друзьями во дворе или в детском саду?
6. Соблюдались ли в вашей семье религиозные традиции?
7. На каком языке ваши старшие родственники читали молитвенник?
8. На каком языке в вашей семье отмечались религиозные праздники?
9. Где вы посещали школу?
10. На каком языке у вас было обучение в школе?
11. Изучали ли вы язык джуури в качестве предмета в школе?
12. На каком языке (языках) вы говорили со своими друзьями на переменах в школе?
13. Когда вы жили на своей родине, на каких языках вы говорили со своими друзьями / соседями / в магазине / с незнакомцами на улице и т. д.?
14. На каком языке вы обучались в вузе?
15. Какие языки вы использовали в своей среде, когда были студентом?
16. Каким языком вы в настоящее время пользуетесь чаще всего?
17. На каком языке (языках) вы говорите дома / со своим супругом (супругой) / детьми / внуками / старшими родственниками / братьями и сестрами / друзьями?
18. Где вы используете язык джуури?
19. Зависит ли выбор языка от темы разговора?
20. Зависит ли выбор языка от ситуации общения?
21. Читаете ли вы книги на джуури?
22. Смотрите ли вы фильмы на джуури?

23. Какой ваш родной язык?
24. Какой язык вы используете, когда расстроены?
25. На каком языке вы говорите, когда счастливы?
26. На каком языке вам снятся сны?
27. Соблюдаете ли вы религиозные традиции?
28. На каком языке вы читаете молитвенник?
29. На каком языке вы отмечаете религиозные праздники?
30. Какой язык (языки), по вашему мнению, должны знать ваши дети?
31. Хотите ли вы, чтобы язык джуури преподавался в школе?
32. Хотите ли вы, чтобы в детских садах говорили на языке джуури?
33. Считаете ли вы необходимым сохранение языка джуури?
34. Хотите ли вы, чтобы язык джуури процветал в будущем?
35. Что, по вашему мнению, важнее — сохранение языка или традиций?

Вопросы, касающиеся использования языка, нерелевантны для неговорящих на джуури. Некоторые из этих вопросов нерелевантны для респондентов второго поколения диаспоры: Когда вы приехали в Москву?; На каком языке (языках) вы говорили в детстве со своими друзьями во дворе или в детском саду?; Где вы ходили в школу?; На каком языке у вас было обучение в школе?; Изучали ли вы язык джуури в качестве предмета в школе?; На каком языке (языках) вы говорили со своими друзьями на переменах в школе?; Когда вы жили на своей родине, на каком языке (языках) вы разговаривали со своими друзьями / соседями / в магазине / с незнакомцами на улице и т. д.?; На каком языке вы обучались в вузе?

Как можно видеть, анкета состоит из трех блоков. Первый блок включает вопросы о языковых биографиях респондента и его предков. Второй блок содержит вопросы об актуальном использовании языка (языков), т. е. исполь-

зовании языка (языков) на данный момент в различных сферах и функциях. Третий блок посвящен лояльности респондентов к этническому языку.

Респондентам также был задан ряд вопросов, чтобы определить, в какой степени владеющие языком джуури готовы в реальности приложить усилия, чтобы передать его своим детям, а те, кто не говорит на этом языке, готовы приложить усилия для его изучения. Эти вопросы будут даны ниже.

В этой статье нас будет интересовать последняя (но не по значимости) часть анкеты — языковая лояльность членов сообщества, которая является одним из критериев жизнеспособности языка.

2. Языковая лояльность

Существуют различные шкалы, измеряющие жизнеспособность языков, почти все они учитывают критерий языковой лояльности, единственным исключением, по видимому, является шкала The Catalogue of Endangered Languages — EL CAT [см. Hammarström et al. 2018: 366–367]. Последняя включает в себя наименьшее количество факторов жизнеспособности языка — четыре: передача от поколения к поколению, абсолютное число носителей языка, тенденции в численности носителей и области использования языка.

Другие шкалы так или иначе содержат критерии, связанные с языковой лояльностью членов сообщества. Например, в работе [Kibrik 1991] это сформулировано как «этническое самосознание». Существует модель типологизации функционирования и определения жизнеспособности миноритарных языков, разработанная Дж. Эдвардсом [Edwards 1992], она является наиболее дробной из существующих и включает в себя 33 параметра. По крайней мере, два из них связаны с языковой лояльностью сообщества: 1) Отношение носителей к языку и 2) Аспекты взаимосвязи языка и идентичности.

Одной из наиболее известных шкал жизнеспособности является шкала ЮНЕСКО. В 2003 г. группа экспертов-лингвистов по просьбе ЮНЕСКО разработала девять критериев для оценки жизнеспособности языка [UNESCO 2003]:

1. Передача языка от поколения к поколению.
2. Общее число носителей.
3. Доля носителей в общей численности населения.
4. Области употребления языка.
5. Использование языка в новых областях и СМИ.
6. Наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков грамотности.
7. Государственная политика в отношении данного языка, включая его статус и использование.
8. Отношение членов общины к родному языку.
9. Вид и качество документации.

Ни один отдельно взятый фактор не является достаточным для оценки состояния языка, но в совокупности эти факторы могут позволить языковым сообществам, лингвистам, преподавателям и администраторам определить жизнеспособность данного языка и его конкретные уязвимые места, чтобы лучше расставить приоритеты и целенаправленно принять меры по его защите. Каждый фактор сопровождается градуированной шкалой.

Характеристика Фактора 8 «Отношение членов сообщества к своему родному языку»: Члены речевого сообщества обычно не относятся нейтрально к своему родному языку. Они могут считать его важным для своего сообщества и идентичности и продвигать его; они могут использовать его, не продвигая; они могут стыдиться его и, следовательно, не продвигать; или они могут воспринимать его как помеху и активно избегать его использования. Когда отношение членов группы к своему языку очень позитивное, этот язык может рассматриваться как ключевой символ групповой идентичности. Точно так же, как люди ценят семейные традиции, фестивали и общественные мероприятия, члены сообщества могут рассматривать свой язык как основную культурную ценность, жизненно важ-

ную для их сообщества и этнической идентичности. Если члены сообщества рассматривают свой язык как препятствие для экономической мобильности и интеграции в основное общество, у них может развиться негативное отношение к своему языку.

Шкала оценок отношения членов сообщества к языку:

5 баллов: Община привязана к своему языку и желает видеть укрепление его позиций.

4 балла: Большинство участников поддерживают сохранение языка.

3 балла: Многие участники поддерживают сохранение языка; остальные безразличны или даже могут поддержать утрату языка.

2 балла: Некоторые члены сообщества поддерживают сохранение языка; остальные безразличны или могут даже поддержать утрату языка.

1 балл: Только несколько членов сообщества поддерживают сохранение языка; остальные безразличны или даже поддерживают утрату языка.

0 баллов: Никто не обеспокоен утратой языка; все предпочитают использовать доминирующий язык [UNESCO 2003].

Обзор некоторых предложений по совершенствованию этих критериев представлен в [UNESCO 2011].

Что касается Фактора 8, то было высказано предположение, что он должен быть более конкретным в отношении возрастных групп: в сообществе носителей языка отношение к языку часто тесно связано с возрастом носителей языка.

Итак, по Фактору 8 мы должны оценить язык джуури по максимальному баллу 5 — Община привязана к своему языку и желает видеть укрепление его позиций.

Все 100 % моих респондентов, включая оба поколения диаспоры, независимо от возраста и уровня владения языком джуури, высоко ценят свой язык и желают, чтобы он передавался следующим поколениям. Все мои респонденты положительно ответили на следующие вопросы:

- Хотите ли вы, чтобы язык джуури преподавался в школе?
- Хотите ли вы, чтобы были детские сады, в которых с детьми говорили на языке джуури?
- Поддерживаете ли вы сохранение языка джуури?
- Хотите ли вы, чтобы язык джуури процветал в будущем?

Отвечая на вопрос «Какой язык (языки), по вашему мнению, должны знать ваши дети?», все респонденты так или иначе упомянули язык джуури. Некоторые из них сами назвали этот язык, а некоторые положительно ответили на прямой вопрос: «Нужно ли вашим детям/внукам знать язык джуури?»

При ответе на вопрос: «Что, по вашему мнению, важнее — сохранение языка или традиций?», все мои респонденты ответили, что культура не может существовать без языка.

Высокий уровень языковой лояльности является необходимым, но недостаточным условием для сохранения языка. Как отметил Дж. Фишман, поддержание языка, обусловленное той или иной разновидностью языковой лояльности, часто было составной частью — а иногда и катализатором — этих усилий [Fishman 1966: 20].

Отношение к языку может повлиять на попытки спасти язык, находящийся под угрозой исчезновения; трудно спланировать какое-либо позитивное возрождение языка, не обеспечив позитивного отношения к миноритарным языкам (люди должны действительно *хотеть* использовать язык, чтобы возрождение было успешным) [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 104].

Суть всего этого в необходимости провести открытую и честную оценку языковой ситуации, включая не только то, сколько еще носителей осталось, но и то, каково отношение говорящих и не говорящих к языку [Dauenhauer & Dauenhauer 1998: 71].

Честная оценка состояния языка и того, как люди на самом деле относятся к его использованию и сохранению, за-

мена честной оценкой выдаваемого желаемого за действительное и отрицание реальности ведет к реалистичным рекомендациям. Личное и общественное отношение так же важно, как и — если не важнее — технические аспекты, которые менее эмоциональны [Grenoble & Whaley 1998: 53–54].

3. Языковые идеологии, установки и практики

Как отмечают Н. Доловы-Рыбиньска и М. Л. Хорнсби, у людей также могут быть скрытые предположения о процессах возрождения языка, которые остаются невысказанными. Обычно их называют языковыми идеологиями. Эти идеологии часто выражаются и материализуются в форме языковых установок [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 104].

Таким образом, можно видеть, что идеологии действуют на подсознательном уровне и что люди могут не осознавать их существования. Однако идеологии могут проявляться через отношение людей к данному языку или его разновидности. Языковые установки — это явные оценки конкретных языков и их разновидностей, выраженные людьми как мнения и убеждения и, что более негативно, как предрассудки. Они влияют на мыслительные процессы людей и их конкретный выбор языка [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 106].

Языковые идеологии, действующие на подсознательном уровне, выражаются в установках, мнениях и убеждениях людей по отношению к данному языку или его разновидности. Как языковые идеологии, так и языковые установки очень важны для процесса ревитализации. Поэтому первым шагом при планировании новых стратегий ревитализации должно быть изучение существующих языковых идеологий и языковых установок в данном обществе или общине. Без этих знаний усилия по ревитализации могут потерпеть неудачу. Признание языковых идеологий, таких как идеология стандартного языка, аутентичности и принадлежности, является пер-

вым шагом к их преодолению. То же самое касается языковых установок. Необходимо понять отношение к миноритарному языку как со стороны представителей самого языкового сообщества, так и со стороны общества в целом [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 115–116].

Таким образом, одна из самых важных задач для любого сторонника ревитализации языка — прислушаться к различным установкам, выражаемым членами сообщества по отношению к их языку, находящемуся под угрозой исчезновения, и попытаться понять, какие идеологии стоят за этими установками [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 104].

Языковые идеологии тесно связаны с языковыми стереотипами, согласно которым языкам (и их носителям) могут быть приписаны определенные характеристики, даже если эти характеристики не могут быть объективно продемонстрированы [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 105].

Языковые установки можно рассматривать как связующее звено между идеологиями и поведением. Более того, поскольку они напрямую влияют на выбор языка, они являются ключевыми элементами любой программы ревитализации. Итак, языковые установки — это мнения, идеи и предубеждения, которые люди имеют по отношению к языку или его разновидностям. Следует выявлять и учитывать языковые установки в качестве ключевого элемента ревитализации языка [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 110].

Н. Доловы-Рыбиньска и М. Л. Хорнсби обнаружили несколько различных типов языковых установок.

Негативные установки, приводящие к негативной языковой практике

Такие установки являются результатом длительной языковой травмы, связанной с дискриминацией и несправедливым и унижительным обращением с людьми из-за языка, который они используют.

Позитивные языковые практики в условиях негативных установок

Языковое сообщество может позитивно относиться к своему языку и утверждать, что он должен быть защищен и использоваться людьми во всех областях.

Позитивные установки в отношении многоязычия

После того как межпоколенческая передача языка была прервана, важно принимать во внимание не только языковые установки активных носителей, но и установки тех, кто на этом языке не говорит. Таким образом, «языковое сообщество» может также включать в себя «потенциальных носителей языка», на которых также должны быть направлены мероприятия по ревитализации. Поощрение позитивного отношения к многоязычию становится одной из главных целей усилий по возрождению, позволяя новым носителям языка, находящегося под угрозой исчезновения, стать частью сообщества [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 114].

Как уже отмечалось выше, опрашивались как носители языка джуури, так и неносители, и у них, естественно, разные задачи по возрождению языка. Носители должны передавать язык детям, а неносители должны сами его осваивать. Последнее, конечно, касается младшего или, по крайней мере, среднего поколения.

15,63 % от всей выборки первого поколения вносят активный вклад в возрождение языка: преподают, пишут учебники и т. д. 22 % от всей выборки первого поколения разговаривают с внуками на джуури (с разной степенью интенсивности); между этими двумя группами имеется пересечение. Только одна представительница первого поколения диаспоры из возрастной когорты от 20 до 40 лет рассказала, что разговаривает со своей маленькой дочерью на джуури.

Некоторые молодые родители, владеющие джуури и желающие передать этот язык своим детям, по какой-то причине считают, что дети должны немного подрасти, чтобы можно было начать их учить говорить на джуури, а пока они разговаривают с ними по-русски. Некоторые бабушки и дедушки отвечали, что они не говорят на

джуури со своими внуками, потому что те не понимают язык. Некоторые молодые родители, говорящие на языке джуури, намеренно говорят со своими детьми только по-русски, потому что придерживаются устаревшей точки зрения об опасностях билингвизма. Более того, они сами являются билингвами, и часто даже полилингвами, и никогда не испытывали проблем ни с овладением несколькими языками одновременно, ни с использованием разных языков в зависимости от ситуативных переменных. Соответственно, точка зрения об опасностях билингвизма навязана им извне и не согласуется с их собственным опытом.

Некоторые дети и подростки посещают еженедельные курсы джуури, организованные фондом СТМЭГИ, но родители, бабушки и дедушки других подростков говорят, что их дети и внуки, соответственно, категорически отказываются изучать язык джуури, потому что считают его непрестижным. Довольно часто можно услышать от родителей, что их дети не говорят, но понимают по-джуури. Более того, в таких случаях родители всегда считают, что дети знают язык. Некоторые родители уверены, что их дети умеют говорить, но по каким-то причинам не хотят и отвечают по-русски. Другие, по-видимому, не проводят различия между активным и пассивным владением языком и не сомневаются, что их неговорящие дети смогут передать этот язык своим детям в будущем. Некоторые родители, говорящие на языке джуури, перестали использовать его в домашнем общении, но по-прежнему убеждены, что их дети будут знать этот язык. Еще одно распространенное среди родителей заблуждение заключается в том, что дети будут изучать язык, когда им это понадобится. Точно так же молодые люди, которые не знают языка, убеждены, что они обязательно выучат джуури, когда у них по какой-то причине возникнет такая необходимость.

Н. М. Дауэнхауэр и Р. Дауэнхауэр наблюдали такое поведение на другом конце света, на Аляске, что указывает на общие проблемы в сообществах с прерванной переда-

чей языка. Они называют это «стратегиями избегания» и приводят список этих стратегий, одной из которых является неспособность увидеть связь между использованием языка и его передачей. Последнее наиболее трагично, когда молодые родители, свободно владеющие каким-либо языком, не используют его в семье со своими детьми, но все же предполагают, что каким-то волшебным образом дети выучат язык по другому каналу или язык выживет, потому что другие все еще используют его в других местах. Часто можно услышать, как родители, бабушки и дедушки говорят, что начнут преподавать язык «в следующем году». В рамках «бюрократического решения» обычно создается какая-то организация, занимающаяся сохранением языка и культуры. Можно предоставить профессиональную консультацию, но сначала люди должны этого захотеть (см. [Dauenhauer & Dauenhauer 1998: 68–69]).

Эти же авторы также пишут, что можно создавать грамматики и учебные материалы, но они ничего не значат, если люди действительно не говорят на этом языке друг с другом дома и в обществе. Проблемы также могут возникнуть, когда члены правления голосуют за определенный вид деятельности на организационном уровне, но не поддерживают его своими индивидуальными действиями на личном и общественном уровнях [Dauenhauer & Dauenhauer 1998: 70]. Такая же проблема существует и в общинах горских евреев: респонденты не понимают, что максимального эффекта можно достичь, передавая язык в естественных условиях.

Многие неговорящие родители полагают, что их дети свободно овладеют языком предков после нескольких недель изучения языка или погружения в культурный лагерь [Dauenhauer & Dauenhauer 1998: 72]. Такой же точки зрения придерживаются родители в общинах горских евреев.

Еще одна из стратегий избегания заключается в перекладывании ответственности за сохранение своего языка и своей культуры на других людей без каких-либо личных усилий и личного участия.

«Предварительное идеологическое разъяснение» в своей простейшей форме означает ответ на вопрос: действительно ли мы хотим сохранить язык <...> Хотя в целом политически и эмоционально корректно громко заявить «Да!», глубинные и сохраняющиеся страхи, тревожность и неуверенность в своем языке и традиционной культуре предполагают, что ответ на самом деле может быть «Нет». Что означает ответ «Да»? Мы часто сталкиваемся с тем, что те, кто голосует «За» «сохранение языка и культуры», ожидают, что кто-то другой «сохранит» их для них, без каких-либо личных усилий и обязательств с их стороны. Мы сталкиваемся с широко распространенной практикой, когда люди высказываются за концепцию и «продукт» или голосуют за них, но отказываются лично участвовать в процессе» [Dauenhauer & Dauenhauer 1998: 63].

К сожалению, общины горских евреев не стали исключением. Поскольку во многих семьях уже невозможно передать детям язык естественным путем, актуальность приобрело создание языкового гнезда, т.е. детского сада, в котором общение с детьми должно происходить только на джуури. Чтобы понять востребованность языковых гнезд в общине горских евреев, в ходе опроса респондентов был задан вопрос: отдали бы вы своих детей в детский сад на джуури?

Ответы распределились следующим образом: 100 % моих респондентов, у которых еще нет детей, ответили положительно. Среди тех респондентов, у которых в настоящее время есть дети детсадовского возраста, 50 % дали положительный ответ, другая половина обсуждала условия, при которых можно было бы отдать своих детей в такой детский сад. Основными условиями являются непосредственная близость детского сада к дому и финансовая доступность. Среди респондентов, у которых уже нет детей детсадовского возраста, 87,5 % ответили, что обязательно отдали бы своих детей, если бы была такая возможность, когда те были маленькими. Те респонденты, у которых есть внуки такого возраста, ответили, что родители несут от-

ветственность за детей, а бабушки и дедушки не имеют полномочий принимать решения по этому вопросу.

4. Пути решения проблемы

Языковые установки должны быть определены и рассмотрены как ключевой элемент ревитализации языка. Когда у членов сообщества существуют сильные негативные предубеждения в отношении их манеры говорить, их отношение к использованию языка в различных сферах также является негативным. В этой ситуации обратить вспять языковой сдвиг может быть очень сложно или невозможно. Напротив, позитивное отношение к миноритарному языку может вдохновить активистов и членов сообщества выступить против языкового сдвига. Языковые идеологии, как и языковые установки, можно изменить. Однако это длительный и сложный процесс, который следует планировать на самых разных уровнях, включая изменение негативных установок, которые могут существовать в сообществе носителей миноритарного языка и в доминирующем сообществе [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 110].

Изменение языковых идеологий, сила которых заключается в том, что они безобидно и глубоко запечатлеваются в головах людей, является долгосрочным процессом. Лучший способ сделать это — заставить людей осознать их существование и то, как они функционируют [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 116].

Выше приводились типы языковых установок по классификации Н. Доловы-Рыбиньски и М. Л. Хорнсби. Данная классификация была создана, чтобы определять способы изменения установок в каждом конкретном случае. Среди языковых установок, как мы помним, авторы называют, в частности, **Позитивные установки в отношении многоязычия**. Суть их в том, что поощрение позитивного отношения к многоязычию становится одной из главных целей усилий по ревитализации, позволяя новым носите-

лям языка, находящегося под угрозой исчезновения, стать частью сообщества. Необходимо также взаимодействие с учреждениями и социальными сетями для повышения осведомленности о преимуществах многоязычия. Например, многоязычие повышает когнитивные способности и креативность. Более того, дети, говорящие как минимум на двух языках, обладают более высокими языковыми навыками; им легче решать проблемы, отличать значение от формы, слушать и запоминать; и они быстрее осваивают любой дополнительный язык. Эти преимущества могут повысить шансы ребенка на получение хорошей работы в будущем и помочь ему эффективно сотрудничать с другими людьми. Данные аргументы основаны на интеллектуальных бонусах, которые дает изучение миноритарного языка, а не на эмоциональных преимуществах, основанных на самоидентификации. Этот довод может помочь привлечь больше новых носителей языка и убедить родителей из языкового сообщества в том, что их детям полезно изучать и использовать этнический язык [Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021: 110].

Очень важно выявить проблему, чтобы принять адекватные меры для ее решения. Джошуа Фишман писал о напрасных усилиях по возрождению языков: «Ландшафт усеян относительно безжизненными остатками социально маргинализированных и истощенных движений по возвращению языкового сдвига, которые действовали не в том направлении <...>, не отдавая себе отчета в том, что они делают, или в проблемах, с которыми сталкиваются» [Fishman 1991: 113].

Теперь, когда социолингвистическое обследование вскрыло проблему, необходимо начинать кропотливую работу по изменению менталитета для достижения **Позитивных установок в отношении многоязычия**, без которых невозможна ревитализация языка.

Литература

Додыхудоева 2021 — Додыхудоева Л. Р. Международный благотворительный Фонд СТМЭГИ назвал лауреатов Премии им. Сергея Вайнштейна. *Родной язык*, 2021, 2: 238–240.

Назарова 2020 — Назарова Е. М. Терминологическая ситуация с названием языка горских евреев. *Judaic-Slavic Journal*, 2020, 2 (4): 60–85.

Dauenhauer & Dauenhauer 1998 — Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. *Endangered languages: language loss and community response*. L. Grenoble, L. Whaley (eds.). Cambridge, 1998, 57–98

Dołowy-Rybińska & Hornsby 2021 — Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation. *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. J. Olko, J. Sallabank (eds.). Cambridge, 2021, 104–116.

Edwards 1992 — Edwards J. Sociopolitical aspects of language maintenance and loss: towards a typology of minority language situations. *Maintenance and loss of minority languages*. W. Fase, K. Jaspaert, S. Kroon (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 1992, 37–54.

Farfán & Olko 2021 — Farfán J. A. F., Olko J. Types of Communities and Speakers in Language Revitalization. *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. J. Olko, J. Sallabank (eds.). Cambridge, 2021, 85–103.

Fishman 1966 — Fishman J. A. (ed.). *Language loyalty in the United States*. The Hague, 1966.

Fishman 1991 — Fishman J. A. *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to endangered languages*. Clevedon, 1991.

Grenoble & Whaley 1998 — Grenoble L., Whaley L. Towards a typology of language endangerment. *Endangered languages: language loss and community response*. L. Grenoble, L. Whaley (eds.). Cambridge, 1998, 23–54.

Hammarström et al. 2018 — H. Hammarström, T. Castermans, R. Forkel, K. Verbeek, M. A. Westenberg, B. Speckmann. Simultaneous visualization of language endangerment and

language description. *Language Documentation & Conservation*, 2018, 12: 359–392.

Kibrik 1991 — Kibrik A. E. The problem of endangered languages in the USSR. *Endangered languages*. R. H. Robins, E. M. Ulenbeck (eds.). Oxford, 1991, 257–275.

UNESCO 2003 — UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. *Language vitality and endangerment*. Paris, 2003.

UNESCO 2011 — UNESCO's Culture Sector. *UNESCO's Language Vitality and Endangerment Methodological Guideline: Review of Application and Feedback since 2003. Background Paper for expert meeting "Towards UNESCO Guidelines on Language Policies: A Tool for Language Assessment and Planning" (30 May — 1 June 2011)*. 2011.

References

Dauenhauer & Dauenhauer 1998 — Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. *Endangered languages: language loss and community response*. L. Grenoble, L. Whaley (eds.). Cambridge, 1998, 57–98

Dodykhudoeva L. R. Mezhdunarodnyy blagotvoritel'nyy Fond STMEGI nazval laureatov Premii im. Sergeya Vaynshteyna [The International Charitable Foundation STMEGI named the laureates of the Prize of Sergey Weinstein]. *Rodnoy yazyk*, 2021, 2: 238–240. (In Russ.)

Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation. *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. J. Olko, J. Sallabank (eds.). Cambridge, 2021, 104–116.

Edwards J. Sociopolitical aspects of language maintenance and loss: towards a typology of minority language situations. *Maintenance and loss of minority languages*. W. Fase, K. Jaspaert, S. Kroon (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 1992, 37–54.

Farfán J. A. F., Olko J. Types of Communities and Speakers in Language Revitalization. *Revitalizing Endangered Languages*.

A Practical Guide. J. Olko, J. Sallabank (eds.). Cambridge, 2021, 85–103.

Fishman J. A. (ed.). *Language loyalty in the United States*. The Hague, 1966.

Fishman J. A. *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to endangered languages*. Clevedon, 1991.

Grenoble L., Whaley L. Towards a typology of language endangerment. *Endangered languages: language loss and community response*. L. Grenoble, L. Whaley (eds.). Cambridge, 1998, 23–54.

H. Hammarström, T. Castermans, R. Forkel, K. Verbeek, M. A. Westenberg, B. Speckmann. Simultaneous visualization of language endangerment and language description. *Language Documentation & Conservation*, 2018, 12: 359–392.

Kibrik A. E. The problem of endangered languages in the USSR. *Endangered languages*. R. H. Robins, E. M. Ulenbeck (eds.). Oxford, 1991, 257–275.

Nazarova E. M. Terminologicheskaya situatsiya s nazvaniem yazyka gorskikh evreev [Terminological situation with the name of the language of Mountain Jews]. *Judaic-Slavic Journal*, 2020, 2 (4): 60–85. (In Russ.)

UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. *Language vitality and endangerment*. Paris, 2003.

UNESCO's Culture Sector. *UNESCO's Language Vitality and Endangerment Methodological Guideline: Review of Application and Feedback since 2003. Background Paper for expert meeting "Towards UNESCO Guidelines on Language Policies: A Tool for Language Assessment and Planning" (30 May - 1 June 2011)*. 2011.